

ХОЗЯЙСТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЭТИКЕ АРТУРА РИХА

Разин А.С.¹

¹Филиал ФГБОУ ВПО «МГУТУ имени К.Г. Разумовского» в р.п. Светлый Яр Волгоградской области (404171, Волгоградская область, р.п. Светлый Яр, территория АООТ «Волгобиосинтез») e-mail: razin-1978@yandex.ru

Анализируется исследование выдающегося швейцарского этика и экономиста Артура Риха, которое, к сожалению, мало известно в отечественной науке, даже среди специалистов в области экономической этики. Проблема соотношения хозяйственной деятельности и ответственности рассматривается А. Рихом через призму этических ценностей. Именно этика ответственности, по мнению мыслителя, играет детерминирующую роль не только в экономике, но и в хозяйстве в целом. Само хозяйство как результат продуктивной культурно-обоснованной деятельности Артур Рих, вслед за С.Н. Булгаковым, понимал как специфически человеческий способ удовлетворять фундаментальную потребность жить, увереннее чувствовать себя в материальном мире. Хозяйство реализует потребность расти и развиваться, которая характерна не только для отдельного индивидуума, но и для всего общества в целом.

Ключевые слова: хозяйство, хозяйственная этика, гуманизм, фундаментальная потребность, рационализация, экономизация, ответственность

ECONOMIC ACTIVITY AND RESPONSIBILITY IN ETHICS ARTHUR RICH

Razin A.S.¹

¹Branch Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy, (404171, Volgograd region, settlement Svetly Yar) e-mail: razin-1978@yandex.ru

We analyze the outstanding Swiss economist and ethicist Arthur Rich's research, which, unfortunately, is little-known in national science, even among the experts in the field of economic ethics. The problem of economic activity and responsibility correlation is considered by A. Rich through the prism of ethical values. It is ethic of responsibility, according to the thinker, that plays the determinative role not only in the life of an individual as "the created" being, not only in economics but also in the economy as a whole. Arthur Rich following S.N. Bulgakov understood economy itself as the result of productive cultural-based activities, as a specifically human way to meet the fundamental need to live, to feel more confident in the material world. Economy implements the need to grow and develop, which is characteristic not only for an individual but also for society as a whole.

Keywords: economy, economic ethics, humanism, a fundamental need, rationalization, economization, responsibility

Истоки своего главного фундаментального труда «Хозяйственная этика» сам А. Рих видит в богословских работах Теодора Хульдриха Цвингли, Эмиля Бруннера, Карла Барта и философских исследованиях Карла Маркса и Николая Бердяева[5, 25].

Одно из центральных положений А. Риха можно сформулировать, перефразируя один из его афоризмов: «Вопрос о сути хозяйствования, безусловно, принадлежит к сфере этического». Причиной этого является то, что экономика – не самостоятельная система, подобная природе, а институт, «созданный человеком для человека». Её цель не определяется ею самой, как считают представители экономизма. Выявить ее суть можно, лишь ориентируясь на человека и его основные потребности. В той мере, в какой экономика служит удовлетворению этих потребностей и тем самым оказывается человеческой, она имеет для человека смысл. Если она не служит удовлетворению потребностей человека, то не достигает своей цели, становится бессмысленной, абсурдной, несмотря на растущие прибыли и достижение вершин рациональности.

Вслед за К. Марксом, который понимал человека как «мир человека», А. Рих считает, что человек неотторжим от окружающей его среды как природной, так и социальной. Он связан с ней на «веки вечные». Если приходит в негодность среда, то гибнет и человек. А если ее экологическое состояние улучшается, то повышается и качество жизни человека. Тот, кто при определении человечности сбрасывает со счетов проблему отношения к окружающей среде, глубоко заблуждается. Эта истина кажется слишком простой, чтобы ее обсуждать. Однако обычно под влиянием близорукого антропоцентризма, замыкающегося на сиюминутных индивидуальных или общественных интересах, человек поступает вопреки этой истине. Реальный гуманизм по отношению к человеку, в понимании Риха, обязательно включает в себя бережное отношение к окружающей среде. При обсуждении вопроса о сути экономики, понятие гуманизма как элемента этической ориентации даже с этим неременным дополнением оказывается, однако, неприемлемым в том случае, если продолжает оставаться формально неопределенным, то есть сводится к бессодержательной формулировке, выражающей все и ничего [10, 218]. Оно нуждается в определении, ориентированном на материальное и в этом смысле уточняющем. Попытка подобного уточнения предпринята в первом томе сочинения Артура Риха «Хозяйственная этика», где освещены основы этики хозяйствования с теологической точки зрения. Рассуждения базируются на критериях гуманности.

Согласно А. Риху, главная потребность человека – потребность расти, развиваться. В потребности человек подобен тварному миру, растительному и животному. Воля к жизни в рамках конечного есть абсолютное выражение главной потребности человека как частицы сотворенного Богом мира. Тварность как основной критерий гуманности, коренящейся в надежде и любви, свидетельствует: своим бытием человек обязан не себе самому, он, подобно всякой твари, – создание Божие, и в том, что он часть тварного мира, заключается естественная конечность его существования и выражается не зависящее от тварных существ онтологическое различие между ним и нетварным бесконечным вечным Богом. Критерий тварности подразумевает не только это онтологическое различие. Вместе с тем, он предполагает в библейской диалектике и личную отнесенность человека к Творцу, а именно его богоподобие, основанное на том, что он – единственное тварное существо, к которому обращено Слово Божие и которое ответственно перед Богом. Человеку, в отличие от других существ, не только дарована жизнь в мире творения и вместе с нею фундаментальная потребность жить. Он призван Богом сознательно принять свое предназначение, и его бытие с этической точки зрения должно быть выражением воли Божией. Иными словами, в тварном мире он занимает уникальное место – место ответственного перед Богом, Его уполномоченного на земле и в то же время субъекта, который должен сделать объектом

своей созидательной деятельности, сходной с божественным творением, всю Землю со всеми ее сокровищами, использовать и подчинить себе растущее и живущее на ней [7, 45].

Фундаментальную потребность жить, расти и развиваться человек разделяет со всеми прочими живыми частицами тварного мира. Однако, вместе с тем, он вознесен над ними. Его жизнь не сводится к биологическому существованию. Он обладает если не абсолютной, то во всяком случае относительной свободой в восприятии этой основополагающей жизненной потребности и в обращении с ней. Жизненные потребности современного человека отличны от потребностей людей каменного века, как совершенно отличны и способы их удовлетворения. Но современность роднит с каменным веком искони присущее человеку недовольство тем, что было ему даровано, и стремление возвыситься над миром. Вместо того чтобы оставаться собирателем или только охотником и брать из естественного мира лишь то, что служит для выживания, человек уже в начале своей истории сам принялся сеять растения, культивировать почву, приручать животных, мастерить инструменты, создавать и совершенствовать приборы, порождать и производить то, чего раньше не было. С началом этой продуктивной культурно-обоснованной деятельности начинается то, что А. Рих и С.Н. Булгаков называли словом «хозяйство» – специфически человеческий способ удовлетворять фундаментальную потребность жить, увереннее чувствовать себя в материальном мире, потребность расти, размножаться и развиваться не только как отдельные индивидуумы, но и как общество. Подобный вид хозяйственной деятельности свойствен лишь человеку. Лишь ему доступно с помощью естественных средств производства, которые расширяют производительные силы, получать блага, превышающие меру его собственных потребностей, и обменивать избыточный продукт на другой, не доступный его производственным мощностям. Это повышает уровень жизненных возможностей человека, пробуждает новые потребности, которые, в свою очередь, подстегивают хозяйственную деятельность, более ее дифференцируют, но вместе с тем и усложняют вследствие всё большего ее размаха. Но хотя экономика разрослась уже до едва обозримых и трудно прослеживаемых переплетений разных видов деятельности, отношений и систем, по сей день остается в силе тот факт, что она, с точки зрения ее «фундаментальной цели», призвана служить удовлетворению основных жизненных и культурных потребностей человека. У нее нет, говоря словами протестантского ученого экономиста В.А. Йора, «никаких собственных целей», поскольку «ее функция – чисто служебная», несмотря на то, что она представляет собой совершенно автономную сферу» [9, 23]. Это основополагающее определение смысла хозяйственной деятельности соответствует гуманистическому критерию тварности, причем ему соответствует лишь такой вид хозяйственной деятельности, цель которого состоит в полезности для жизни [4, 160]. Отсюда следует совершенно определенный вывод: прежде

всего, хозяйствование ориентируется на потребности человека, а не наоборот. Иными словами, экономика может быть лишь средством, но не целью.

Если происходит обратное, то есть если она становится самоцелью, неизбежен фундаментальный кризис, вызванный искажением ее смысла.

Фундаментальная *цель* экономики – служение жизни [5, 282]. Чтобы реализовать эту цель, экономика должна удовлетворять элементарные жизненные потребности человека. Они никогда не застывают, а постоянно растут и развиваются параллельно с его культурным развитием, которое, поскольку человек сам в нем царствует, является историческим. Это побуждает к прибыльному хозяйствованию, что в принципе означает увеличение продуктивности, рационализацию и организацию труда как основополагающего производственного фактора.

Здесь явно прослеживается близость позиции А. Риха и Н.А. Бердяева, который считал причиной гнета экономики, материальных потребностей, жажды наживы – потерю всякой священной санкции хозяйственной жизни. Он настаивал на том, что материальную жизнь можно понять как производную от духовной, подчеркивал, что характер хозяйства, прежде всего, зависит от качества человеческого духа – «не религия зависит от экономических отношений, а экономические отношения от религии»[2, 23].

Уже в эпоху раннего неолита можно увидеть следы рационализации в организации труда. Сначала нечто вроде деревянной мотыги, позднее – древний плуг, прообраз быстро вращающегося гончарного круга и другие средства, повышающие продуктивность производства. Одновременно предпринимаются первые попытки структурировать примитивную хозяйственную деятельность, которые направлены на разделение труда и формирование слоев общества. Все это способствует прибыльности хозяйствования и его служению жизни и потому отвечает фундаментальной цели экономики, а тем самым – требованию гуманности. Однако именно такое относительное соответствие может дать повод для «роковой путаницы».

Причина путаницы в следующем: из упомянутого соответствия в экономической теории делается вывод, что фундаментальная цель экономики, а именно ее служение потребностям жизни, якобы вообще совпадает с целью прибыли, то есть, в конечном счете, она тождественна максимализации общественного продукта. То, что должно быть средством, превращается в цель, то есть человеку с его главными жизненными потребностями, грозит опасность сделаться средством. Подразумевается следующие: если труд – важнейший производительный фактор экономики, то максимализация его производительности возможна только благодаря прибыльной форме его организации. Производительный труд неразрывно связан с человеком. Лишь человек способен производить, создавать ценности, умножать их

как в процессе своей деятельности, так и при помощи созданных средств производства, начиная с простейших машин и кончая современными высокоразвитыми системами с числовым программным управлением, которые уже не нуждаются в каком-либо обслуживании, кроме программирования.

Такая точка зрения не имеет ничего общего с антиэкономическими идеологиями. Обозначенную нами дилемму осознавал Смит, который в своем знаменитом примере превозносит специализацию как выдающееся средство улучшения производительных сил. В разделении труда, дробящем человеческую деятельность, во всяком случае ручной труд на все более специальные и простые операции, он видит залог не только гения производства всякого рода предметов, но и то, что приводит в обществе, наилучшим образом управляемом, к всеобщему благосостоянию, которое «распространяется и на её низшие слои народа» [6, 103]. Поэтому он выступает за экономизацию труда, что означает техническое оснащение и общественную организацию в том смысле, что повышение продуктивности при этом должно выдвинуться на передний план. Однако в другом контексте, говоря о расходах государственных и местных органов власти, А. Смит, напротив отмечает отрицательные последствия подобного разделение, причем в выражениях, по интонации напоминающих К. Маркса и Ф. Энгельса. С развитием разделения труда «занятия подавляющего большинства тех, кто живет своим трудом, главной массы народа, сводится к очень небольшому числу простых операций, чаще всего к одной или двум. Но умственные способности и развитие большей части людей могут складываться только в соответствии с их обычными занятиями. Человеку, вся жизнь которого проходит в выполнении немногих простых операций, причем и результаты их, возможно, всегда одни же или почти одни и те же, нет смысла и необходимости активизировать свои умственные способности или упражнять сообразительность. Поэтому он естественно утрачивает привычку к такому упражнению и обыкновенно становится тупым и невежественным, каким только может стать человеческое существо.

Итак, А. Смигу известна столь часто дискутируемая проблема связи между характером труда и личностью и, следовательно, тот факт, что структура труда имеет большое значение для духовного и психического формирования человека и что обеднение внутреннего смысла труда порождает опасность кризиса, лишая смысла человеческое существование вообще. Однако Смит не делает отсюда серьезных выводов. Принцип экономической эффективности в формировании и организации процесса труда остается у него господствующим фактором производства.

С позиций тварности как основного критерия гуманизма веры, надежды и любви этот подход представляется несостоятельным. Человек как тварное, ответственное в своем бытии

перед Богом, разумеется, нуждается в прибыльном хозяйстве, способном обеспечить материальную базу его существования. В противном случае хозяйство перестает служить жизни и теряет свой смысл. Однако человек притязает на организацию производственной деятельности, которая имела бы гуманную структуру в том смысле, чтобы ему были предоставлены возможности реализовать свое предназначение, его богоподобие, а не влачить «жалкое существование человекоподобного калеки-робота». Иными словами, труд никогда не понимается лишь как необходимый и вместе с тем тяжкий способ обеспечения материальной жизни, он есть не что иное, как способ действия человека, утверждающего свою человеческую суть. Поэтому в библейском толковании труд имеет двойственный характер. С одной стороны, это жесткий, тягостный завет: «В поте лица твоего будешь есть хлеб». С другой стороны – возвышающее предназначение, отличающее человека от животного и простирающееся далеко за рамки способа обеспечения жизни.

А. Рих усматривает «основополагающее феноменологическое различие» между понятиями «arbeiten» (работать) и «wirken» (трудиться, творить) и соответственно между «Arbeit» (работа) и «Werk» (труд) и выступает против их духовной идентификации в энциклике Иоанна Павла II «*Laborem exercens*», усматривая в этом некое «богословское недоразумение». Производственная деятельность человека отвечает необходимости создания им средств для удовлетворения его основных потребностей. Работе (Arbeit) не может приписываться ценность в богословском смысле, она также не выражает и сути человеческого достоинства. Последнее относится лишь к труду, созидательной деятельности (Werk), которая, в отличие от Божественного творения, носит вторичный характер. «Человеческая деятельность, включающая и преобразование космоса», то есть то, что понимается здесь как ответственная созидательная деятельность, «выступает не в качестве работы, а в качестве творческого труда».

Автор прав, когда он протестует против идеологизации общественной, соответственно экономической деятельности, в которой якобы состоит содержание человеческого бытия. Исходя из сказанного, можно заключить, что различие между работой (Arbeit) и трудом (Werk) является оправданным. Но это различие не подразумевает полного разрыва данных понятий. Их противопоставление друг другу было бы столь же фатально, как и их идентификация. Хотя работа и не составляет смысла человеческого бытия, она была и остается фундаментальной формой самовыражения человека. Поэтому она никак не может сводиться к жесткой необходимости, а всегда содержит элементы творческого труда, также как и творческий труд включает в себя компонент работы, что и отражает немецко-швейцарское слово «*warche*» (= *werken*).

Важное для понимания концепции А. Риха замечание заключается в том, что, несмотря на приверженность христианским ценностям в области хозяйствования, он заявляет о своей этической позиции не как сторонник этики убеждения, но как последователь этики ответственности. Основной задачей «Хозяйственной этики», по мнению С.В. Куликова, является выработка рекомендаций для принятия решения в сфере экономической политики посредством обоснованного вмешательства этики в структуру и практику экономических отношений [3, 5].

Тяжкое бремя, но также и дело, соответствующее званию человека, его возвышающее, – вот две стороны, в которых заключается сущность труда с момента начала культурного развития человечества. Когда человек стал изготавливать орудия и тем самым заложил фундамент производительного хозяйства, он сделал это, безусловно, вследствие насущной необходимости побороть нужду. Однако: «Он сделал это не только по необходимости, но и нашел в этом удовольствие. Он уступил склонности к украшению, что нашло отражение в элементе игры в труде, который прослеживается во всех видах искусства. Если этот аспект не проявляется более в экономически организованном труде, если труд – лишь тяжкая необходимость, ведущая к низведению человека до уровня средства производства, то он противоречит принципу гуманизма веры, надежды и любви, человеческому началу, покорному воле Бога» [1, 13]. И тогда он утрачивает свой гуманный смысл. Итак, учитывая вышесказанное, структура хозяйства не может определяться исключительно фундаментальной целью экономики.

Английский исследователь «Хозяйственной этики» Томас Дональдсон считает, что структурированная, согласно принципам гуманности, но бездоходная, то есть не выполняющая свою функцию обслуживания жизненного процесса, экономика подвержена кризису в не меньшей степени, чем высокоприбыльная система, в которой условия человеческого существования отеснены на задний план [8,28]. Следует остерегаться неверной альтернативы, как в первом, так и во втором направлениях.

Приведенные выше соображения призваны показать, что имеет смысл лишь та экономика, которая отвечает как своему фундаментальному назначению, так и своей гуманной цели. Она должна не только создавать, предлагать достаточное количество товаров и услуг, необходимых для достойного существования, и обеспечивать их соответствующее качество. Ей следует делать это так, чтобы, не превращая часть работников в простые орудия производства, обеспечить каждому желающему возможность получить статус *со-участника* общего процесса производства, личности, *со-определяющей* его ход и несущей за него свою долю ответственности. Кроме того, хозяйственная система может отвечать требованиям, но порождать социальный дисбаланс, когда и у одного народа, и у всех наций, с одной стороны,

налицо ненужное перепроизводство, а с другой – недостаток жизненно необходимого, что делает эту систему абсурдной в глазах не только ущемленных и обездоленных. Таким образом, вопрос ответственности и справедливого распределения тесно связан с проблемой внутреннего смысла экономики.

Список литературы

1. Барт, К. Христианин в обществе [Текст] / К. Барт // Социально-политическое измерение христианства. – М.: Наука, 1994. – С. 13-45.
2. Бердяев, Н.А. Философия неравенства. Письмо двенадцатое: о хозяйстве [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 285 с.
3. Куликов, С.В. Концепция хозяйственной этики Артура Риха [Текст] / С.В. Куликов // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. - № 3.
4. Разин, А.С. Проблема дифференциации религиозно-нравственных принципов хозяйственного аскетизма в протестантизме [Текст] / А.С. Разин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. - №6. – С. 159-163.
5. Рих, А. Хозяйственная этика [Текст] : пер. с нем. Е.М. Довгань / А. Рих. – М.: Посев, 1996. – 810 с.
6. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст] / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с. – (Серия: Антология экономической мысли).
7. Токарева, С.Б. Коллективная и личная ответственность в обществе [Текст]/С.Б. Токарева // Власть. – 2012. - № 3. – С. 44-48.
8. Donaldson, T. The ethical wealth of nations/ T. Donaldson // J. of business ethics. – 2001. – Vol. 31. - № 1. – P. 25-36.
9. Johr, W.A. Wirtschaft und politik / W.A. Johr // HdWW, Bd. – P. 1-33.
10. Razin, A.S. Economic ethics: epistemological status and content / A.S. Razin // Вісник Дніпропетровського університету. – 2013. – Т. 20. – Вип. 23(2). – P. 218-224.

Рецензенты:

Фрадлина Е.М., д.филос.н., профессор, профессор кафедры философии, истории и политологии ФГБОУ ВПО Волгоградский государственный аграрный университет, г.Волгоград;

Данакари Р.А., д.филос.н., профессор, профессор кафедры философии и социологии Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС при Президенте РФ, г. Волгоград.